

Постмодернизм: антинаучный проект?

Бурганова Л.А.

доктор социологических наук,
профессор кафедры государственного, муниципального
управления и социологии Казанского государственного
технологического университета

В статье обсуждается проблема места и роли постмодернизма в целом и в гуманитарных, и социальных науках, в частности. Проанализированы в обобщенном виде его онтологические и эпистемологические основания. Представлены основные направления критики науки со стороны постмодернистских теоретиков. Продемонстрированы различные подходы постмодернистов к научному знанию, в основе которых отношение к нему как к эпистемологической конструкции, не соотносимой с реальностью. Делается вывод, что подобный подход приводит постмодернистов к идее о появлении «теории познания без познающего субъекта и познаваемого объекта».

Среди различных интеллектуальных течений, осмысливающих и переосмысливающих изменения, которые произошли в экономике, политике, духовной сфере современного общества, постмодернизму принадлежит особое место. Возникнув в западной культуре первоначально в форме консервативной реакции на модернизм в эстетике, литературе, архитектуре, постмодернизм в последней четверти XX столетия был апплицирован на такие сферы предметности, как экономико-технологическая и социально-историческая. После выхода в свет в 1979 году книги Ж.-Ф. Лиотара «Постмодернистское состояние: доклад о знании» [14], в которой впервые предстали в обобщенном виде многие существенные черты постмодернизма, он стал распространяться по всему миру как модное интеллектуальное течение.

Появление постмодернизма в гуманитарных и социальных науках свидетельствует о большем, чем о появлении очередной новой академической парадигмы. Последнюю четверть века постмодернизм осознается как общеэстетический феномен западной культуры в целом, как радикально новое культурное движение. Один из известных теоретиков постмодернизма Фредерик Джеймисон так и назвал свой главный труд — «Постмодернизм или культурная логика позднего капи-

тализма» [12], высказав предположение, что модернизм — это культура общества модерна, а постмодернизм — культура общества постмодерна.

Проблема постмодернизма как специфического способа мировосприятия, мироощущения и оценки как познавательных возможностей человека, так и его места и роли в окружающем мире, является предметом напряженных дискуссий последние 30–40 лет. Многие ученые встретили наступление постмодернистов буквально в штыки, испытав психологический шок переживания смены парадигм. Именно угроза социальному престижу науки обусловила остроту реакции. То поколение ученых, которое завоевало ведущее положение в научном сообществе на рубеже 1960–70-х гг., тяжело переживало крушение привычного мира, устоявшихся корпоративных норм, и главное — утраты своего привилегированного положения, своего непререкаемого авторитета и престижа.

Исследователям постмодернизма пока не удалось дать развернутого анализа его качественной определенности, представить в обобщенном виде его онтологические и эпистемологические основания. И все же изучение материалов дискуссий о нем позволяет выделить существенные характеристики постмодернизма, объединяющего различные

философские, эпистемологические, научно-теоретические и эмоционально-эстетические представления, ориентированные на широкую реконцептуализацию того, как мы проживаем и объясняем мир вокруг нас. К настоящему времени утвердилась точка зрения Зигмунта Баумана, согласно которой постмодернизм – это эпоха «переоценки модернизма» [5, с.411].

Возникновение постмодернизма обычно связывается с усталостью от прогресса, который до недавнего времени в различных идеологических системах отождествлялся с однолинейной направленностью социального развития, с рациональностью, логоцентризмом, верой во всемогущество науки и техники. Постмодернизм имеет своим основанием глубокое разочарование в ценностях и идеалах, сложившихся на протяжении предшествующих двух столетий. Он подвергает сомнению неоспариваемый авторитет объективности и способность науки завершить свой «модернистский проект».

Постмодернисты обрушились с беспощадной критикой прежде всего на науку, лишив ее претензий на монопольное обладание истиной, поставив ее в один ряд с другими формами идеологии. М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ж.-Ф. Лиотар и другие теоретики связывают постмодернизм, прежде всего, со специфическими изменениями в эпистемологической ситуации — подрывом эпистемологической безопасности науки модерна, покоившейся на вере в достижимость истинного, универсального знания, способного указать направления действий на пользу или во блага человечества. Эпистемологическая безопасность различных теорий модерна основывалась на *убеждении*, что полученное с помощью соответствующих методов знание должно отражать реальное, поэтому оно может быть одновременно нейтральным и полезным, а также на *вере* в то, что истина и предубеждение ясно различимы и являются дихотомическими категориями. Их теоретики верили, что достижим нейтральный язык для описания научных открытий, что логика такого открытия функционирует без искажений независимо от своего субъекта и объекта исследования. Они полагали, что научному процессу присущи самокорректировка и самоуправление — постепенно

должны быть устранены все отклонения или все ложное знание. Следовательно, действия, основанные на научном знании, то есть знании экспертов, являются истинными формами власти, реализация которой принесет всему обществу только блага.

М. Фуко в своей работе «Археология знания» (1969) указывает на глубокие эпистемологические изменения, которые разрушили долгую традицию, возникшую как результат прогресса сознания, эволюции человеческого разума; поставили под сомнение саму возможность для науки создания тотальных объяснений для чего-либо, усомнились в ее способности достичь абсолютной истины. Мыслилось, что открытие такой истины позволит социальным теоретикам решить центральную философскую и социальную проблему согласования знания и власти (или теории и практики).

Главный упрек постмодернистов в адрес науки модерна состоит в том, что она проектировалась как способ отправления власти-знания, что она породила иллюзию о возможности с помощью усиления авторитета разума преодолеть конфликты между знанием и властью, поскольку разум и репрезентирует, и воплощает в себе истину. Разум может ухватить законы, в основе которых объективная истина [4, с.141]. Это порождало надежду, что эти законы познаваемы каждым индивидуумом. Надежда Просвещения состояла в том, что использование истинного знания на службе у законной власти должно гарантировать и свободу, и прогресс. Накопление все большего знания (получение все большей истины) должно приводить одновременно к росту объективности (нейтральности) и к прогрессу. Степень прогрессивности власти, таким образом, связывалась с ее опорой на расширяющееся знание: она прогрессивна по мере обретения ею все большей рациональности и расширения свободы и саморазвития всех тех, кто ей подвластен.

Критики теорий модерна обвиняют их в том, что они стояли на службе порядка, обеспечивая легитимацию монополии власти, помогая ей осуществлять контроль, сопряженный с насилием, над человеком, его сознанием [14]; а также в том, что они идеологичны и риторичны, несмотря на свои претензии на

научность. У теорий модерна, по их мнению, нет никакого «уважения к парадоксам», они всегда ориентируются на выбор одной точки зрения. И самое главное – теории модерна потерпели крах в решении задач, которые они перед собой поставили. Сконструированный ими образ жизни стал своеобразным экспериментом, который проводился на протяжении последних веков на социально-глобальном уровне и сопровождался неудачами или поражениями. Так, Ж.Ф. Лиотар, напрямую связывает трагедию тоталитаризма в Европе и другие катаклизмы с самой сутью европейского мышления, ориентированного на поиск безальтернативной истины.

Важнейшим понятием постмодернизма, содержащим его интерпретацию идеологии модернизма, его образа мышления, является «метанарратив» или «метадискурс». Он фиксирует в своем содержании феномен существования концепций, претендующих на легитимирующее знание. Ф.-Ж. Лиотар в своем исследовании нарративной природы знания пришел к выводу, что наступление эпохи модерна связано с возникновением метадискурсов (например, либеральная политическая теория, теория марксизма, позитивистская социология), а наступление эпохи постмодерна – соответственно, с их закатом. Метаарративы трактуется Лиотаром как логоцентричные, линейные, тотальные; все они выступают с претензией на объективность, на познание абсолютной истины, будучи по своей сути «субъективными, относительными и объяснительными» [14, с.6]. С помощью метанарративов поддерживается функционирование всех механизмов управления, поскольку они создают тотальную «социальную мифологию». Метаарративы пытаются легитимировать себя в качестве истинных и справедливых и их доминанта приводит к подавлению других (не-легитимных) форм рациональности.

Лиотар обращает внимание на два негативных аспекта легитимации метадискурса: с одной стороны, это порождает отношения господства и подчинения, являющиеся, по его мнению, тоталитарными основаниями европейской культуры; с другой — ограниченность самого метадискурса, противоречаще-

го сложности природной и социокультурной реальности.

Несколько иную, по сравнению с Ж.-Ф. Лиотаром, трактовку понятия «метанарратив» дал Ф. Джеймисон, применяющий для его обозначения термины «великое повествование», «доминантный код», «доминантное повествование» [12]. Развивая мысль Лиотара, он подчеркивает эпистемологический характер этой категории, которая может быть понята не как черта нашего эмпирического восприятия, а как одна из абстрактных координат, внутри которых мы познаем мир, как «бессодержательная форма», налагаемая спецификой нашего восприятия на неоформленный, «сырой поток реальности». Иными словами, мир доступен и открывается человеку лишь в виде историй, рассказов о нем. Любое повествование всегда требует интерпретации (как его автором, так и реципиентом), и в силу этого оно не только представляет, но и воспроизводит, а также пересоздает реальность в восприятии человека, то есть «творит реальность». Повествование в такой же степени открывает и истолковывает мир, как и скрывает и искажает его. В этом якобы проявляется специфическая функция повествования как формы «нарративного знания» – оно служит для реализации «коллективного сознания», направленного на подавление исторически возникающих социальных противоречий. В отличие от Лиотара Джеймисон считает, что метанарративы (или «доминантные коды») не исчезают бесследно, а продолжают влиять на сознание людей, существуя в рассеянном виде всюду присущей, но невидимой «власти господствующей идеологии» [12, с.20].

Постмодернисты относятся к знанию как к эпистемологической конструкции, которая не обязательно соотносится с реальностью. Так, Бодрийяр характеризует переход к состоянию постмодерна как «порождение гиперреального» при помощи «моделей реального, не имеющих собственных истоков и реальности» [3]. Этому процессу Бодрийяр дает название «симуляции». Симуляция настолько широкомасштабна, что она заставляет совпасть все реальное с моделями симуляции. При этом исчезает самое существенное – различие между симуляцией и реальным. Под действием симу-

ляции происходит «замена реального знаками реального», то есть осуществляется устрашающая манипуляция над всем реальным процессом. В результате симулякр (так Бодрийяр именуется результат процесса симуляции – Л.Б.) оказывается принципиально несоотносимым с реальностью напрямую, если вообще соотносимым с чем-либо, кроме других симулякров. При этом симулякр не следует путать с ирреальным – он никогда не может быть заменен реальным, но лишь замениться внутри самого себя. В результате возникает особый мир, мир моделей и симулякров, никак не соотносимых с реальностью, но воспринимаемых гораздо реальнее, чем сама реальность, – этот мир, который основывается лишь только на самом себе, Бодрийяр и называет гиперреальностью.

Симулякр формирует среду прозрачности, где ничего не может быть утаено или сокрыто. Все, наоборот, становится сверхвидимым, приобретает избыток реальности. Эта гиперреальность, считает Бодрийяр, порождена «техническим безумием совершенного и сверхточного воспроизведения» (образов, звуков и пр.). Бесконечная репродукция, микродетализация объектов, превращение их в модельные серии – таково определение «реального» как гиперреальности. Вещи здесь слишком правдивы, слишком близки, слишком детально различимы (детали пола в порнографии, атомы звука в квадрофонии и пр.).

Современность – это «эра тотальной симуляции», и Бодрийяр всюду обнаруживает симуляционный характер всех современных социальных и культурных феноменов. Власть лишь симулирует власть, она тоже лишается своих собственных целей и обречена рассыпаться на действия власти и симуляцию масс. Все, что ей остается в этом случае – это повсеместно насаждать реальное и референтное, избавлять нас от реальности социального. Но власть не только превращается в симулякр, она перестает быть опасной еще и потому, что переходит в разряд средств: политическая оппозиция, «левые», критический дискурс – все это контрастный симулякр, при помощи которого власть старается разбить порочный круг своего несуществования, своей фундаментальной безответственности. Только критика и негативность еще производят призрак реальности

власти. И если по той или иной причине они иссякнут, то власти ничего другого не останется, как только искусственно их воскресить. Власть, бывшая некогда структурой, стратегией, отношением силы, целью, переходит в разряд социального заказа, и вследствие этого «объект закона спроса и предложения больше не является субъектом насилия и смерти».

Нечто подобное, по мнению Бодрийяра, происходит и в информационной сфере: во вселенной все больше и больше накапливается информация, но все меньше и меньше смысла. Информация пожирает свое собственное содержание. «Она пожирает коммуникацию и социальное». Бодрийяр выделяет две причины, по которым это происходит. Во-первых, информация вместо того, чтобы побуждать к коммуникации, занимается ее разыгрыванием. То же и в отношении смысла: информация не производит смысл, а «разыгрывает» его. В результате происходит замыкание процесса – это процесс симуляции, гиперреальный процесс. Во-вторых, позади этой увлеченной игры в коммуникацию масс-медиа, информация энергично осуществляют деструктуризацию социального. Информация, в которую превращается или при помощи которой распространяется некоторое событие, уже представляет собой деградированную форму этого события. Средства массовой информации осуществляют, таким образом, не социализацию, но напротив, «имплозию социального в массах».

С точки зрения постмодернизма, вообще сомнителен поиск реального, истинного. Он отрицают саму возможность рационального объяснения и преобразования общества, заявляя, что нет и не может быть никакого трансцендентального разума; наоборот, то, что мы зовем разумом или рассудком, есть лишь эффект дискурса. Нет никаких непосредственных или бесспорных характеристик жизни сознания. Ощущения, идеи, понятия и восприятия всегда уже построены. Они возникают в среде разнообразных дискурсивных практик и отображают их. Они не являются абсолютными и объективными, наоборот, они в лучшем случае контекстуально относительно и в худшем – тотально произвольны и конструируемы [6]. При этом обращается внимание на

необходимость учета того обстоятельства, что теория формируется в контексте языковой реальности и функционирует в рамках языковых ограничений, что и является главным источником ее слабости.

Это означает, что наше сознание не обладает определенными универсальными, трансцендентальными, априорными категориями или концепциями, которые формируют восприятия одинаковым образом. Наоборот, категории или концепции, благодаря которым мы структурируем свой опыт, сами зависят от истории и культуры. Таким образом, истина для постмодернизма — эффект дискурса. Каждый дискурс имеет свой особый набор правил или процедур, управляющих производством того, что считать имеющим смысл или истинным высказыванием. Дискурс в целом не может быть ни истинным, ни ложным, поскольку истина всегда зависит от контекста и действующих правил. Это не означает факта отсутствия истины, скорее признания, что истина является дискурсивно зависимой, что делает дискурсы несоизмеримыми. Истинностные суждения в принципе неразрешимы вне или между дискурсами.

Такой подход приводит постмодернистов к идее о появлении «теории познания без познающего субъекта и познаваемого объекта». Р. Барт и другие теоретики постмодернизма отвергают классическую интерпретацию теорий как произведенных некими авторами. Квинтэссенцией такого подхода является идея «смерти автора» — где автор является символической фигурой, олицетворяющей принудительную силу, обеспечивающую «линейное объяснение явления через указание на его единственную и исчерпывающую причину» [1].

Заметим, что в целом постмодернисты не выражают намерения конструировать новую теорию в модернистском смысле слова. О теории «постмодерна» не приходится говорить, тем более, что многие постмодернисты избегают использования самого термина «теория».

Для более мягких трактовок теории в различных версиях постмодернизма характерен акцент на ее гетерологическом, децентрированном и локальном характере. Она не претендует на репрезентативность, а ее стратегией

объявляется плюрализм мнений. Децентрированная теория ценна ради себя самой и не нуждается в авторитете. Она не требует различения на объект-субъект, присущего социальной науке модерна. Она «истинна» только в терминах своего собственного дискурса.

Некоторые постмодернисты стремятся предложить альтернативу теории модерна в виде анализа текста (события) повседневной жизни, где, по их мнению, и протекают наиболее важные процессы, ускользающие обычно от рационального анализа. Постановка проблемы повседневности позволяет изучать жизнь, фокусируясь на локальном знании, на деталях, на случайном, на личностных свидетельствах, на непосредственном опыте индивидов и общностей. Хотя подобные опыты могут отражать конкретную эмпирическую реальность, по существу, они представляют собой антипозитивистский эмпирицизм, смакующий детали и фиксирующий внимание на том, что составляет интерес с точки зрения уникальности, неповторимости в каждой жизни. При этом постмодернизм понимает повседневную жизнь как социальные и духовные практики, проявляющиеся в быту, преимущественно в их культурно-бессознательном аспекте. Повседневная жизнь составляет практически экзистенциалистское, глубокое понимание повседневных событий [2, с.80]. Поскольку эта «обычная жизнь обычных людей» [10] дескриптивна, она представляет собой восстание против Большой Теории, особенно индуктивной теории, претендующей на генерализацию [7, с.421]. То, что происходит в спальнях и ванных комнатах, приобретает такое же большое историческое значение, как и то, что происходит на полях сражений и в правительственных помещениях.

В качестве альтернативы теории постмодернизм предлагает также некоторые виды нарративов — малые нарративы, локальные нарративы, «маленькие истории», не предлагающие никаких широких теоретических генерализаций или конечных истин [15]. Они предлагают воспринимать их исключительно как одну из множественных интерпретаций [17, с.57].

Такая подмена теории повседневной жизнью и мини-нарративами не свободна от про-

тиворечий. Как подмечает Ю. Хабермас, акцент на локальном нарративе, обсуждение проблем, бывших прежде «дисквалифицированным способом знания», может привести не просто к замене одной версии истины на другую, а утверждению истины, утратившей статус универсальной, что приведет к усилению состояния неопределенности, непоследовательности [8, с.279-281].

Каковы же последствия развития постмодернистских взглядов на роль теории для социальных наук? На наш взгляд, они весьма существенны. Мир без теории означает абсолютное равенство всех дискурсов, конец фундаментальным претензиям. Это означает трансформацию всего интеллектуального климата социальных наук. Как пишет известный теоретик постмодернизма Ихаб Хассан, на смену истины придут новые формы постмодернистской «прозрачности», она сменится иронией в адрес нашего собственного безверия, признанием нашей индивидуальной «воли к власти», обнаружением «силы через умеренность» и, в конечном счете, «переоценкой всех ценностей» [9, с.197].

Надо обратить внимание и на другой аспект этой проблемы, поскольку речь идет не только об отсутствии теории, но и о презентации слишком большого количества теорий, претендующих на равенство позиций. В ситуации, когда отсутствует возможность применения единого критерия для вынесения суждения об истинности теорий, нет способа ограничения их количества.

Критики постмодернизма обращают внимание на то, что отрицание бинарной эпистемологии, построенной на противопоставлении истины и лжи, стирание различий между теорией и явным абсурдом открывает дверь нигилизму. «Поскольку здесь нет истины, то нет и ошибки и все представления равны» [16, с.56]. Отвечая на этот упрек, Ж. Деррида, в частности, утверждает, что отсутствие любых претензий на истину вовсе не свидетельствует о нигилизме. Для него гораздо более важным представляется политический акцент: отсутствие претензий на истину делает невозможным тоталитаризм. Отсюда резюме: постмодернизм выступает посредником в борьбе с ним.

Таким образом, постмодернистский «вызов» научной теории заключается в фактическом отождествлении ее различным формам идеологии или художественному вымыслу. Размывание критериев демаркации науки и вненаучной деятельности воспринимается как глубокий внутринаучный кризис.

Постмодернизм предложил формулировки, в которых вырисовывается новое употребление понятий научной истины. Она предстает в качестве множественной, относительной, исторически и социально обусловленной. По существу речь идет о неправомерном отождествлении постмодернистами научности с натуралистической исследовательской программой и классическим идеалом научности. Анализ эпистемологических проблем, лежащих в основе постмодернистской критики статуса теории, позволяет опровергнуть тезис постмодернистов о ее ненаучности. Скорее они подводят к мысли, что возникающие в науке гносеологические проблемы следует осознавать как свидетельство необходимости пересмотра традиционных эпистемологических представлений, но не как основания для отказа от научного статуса самой теории.

Литература

1. Barth, R. The Pleasures of the Text. – N.Y.: Hill and Wang, 1975.
2. Barth, J. The Literature of Replenishment: Postmodern Fiction// Atlantic Monthly. January. 1980.
3. Baudrillard, J. Simulacres et simulations. – P., 1981.
4. Baudrillard, J. Forgetting Baudrillard// Social Text. – 1986. – № 15 (Fall).
5. Bauman, Z. Philosophical Affinities of Postmodern Sociology // Sociological Review. – 1990. – Vol. 38. – N. 3.
6. Fish, S. Dennis Martinez and the Uses of Theory // Yale Law Review. V. 96. 1987.
7. Fokkema, D. Literary History, Modernism and Postmodernism. Amsterdam, 1984.
8. Habermas, J. The Philosophical Discourse of Modernity. – Boston, 1987.
9. Hassan, I. The Postmodern Turn. – Columbus, 1987.
10. Himmelfarb, G. The New History and the Old. – Camb., 1987.

11. Jameson, F. *Postmodernism, Or the Cultural Logic of Late Capitalism*. – Durham, NC, and London: Duke University Press, 1991.

12. Jameson, F. *The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic Act*. – Ithaca, 1981.

13. Kellner, H. *Narrativity in History: Post-Structuralism and Science // History and Theory*. V. 26. 1987.

14. Lyotard, J.-F. *The Postmodern Condition*. – Minneapolis, 1984.

15. Rorty, R. *Philosophy and the Mirror of Nature*. – Princeton, N.Y., 1979.

16. Scholes, R. *Protocols of Reading*. – New Haven, 1989.

17. White, H. *Tropics of Discourse: Essays in Cultural Criticism*. – Baltimore, 1978.

